

Алекса Грей

Не сходи с тропы.
Особенно если услышишь шёпот...

То, что шепчет в чащобе

Алекса Грей

То, что шепчет в чащобе

«Автор»

2025

Грей А.

То, что шепчет в чащобе / А. Грей — «Автор», 2025

Четверо друзей отправляются в поход, чтобы попрощаться с юностью. Их цель — затерянное Мёртвое озеро. Место, окутанное зловещими легендами. Но очень скоро они понимают, что настоящая опасность ждёт не у воды, а в самой чащобе. Она не рыщет по лесу — она живёт в самой тишине. Тропа обрывается. Компас сходит с ума. Воздух становится густым и тяжёлым. А потом начинается шёпот. Сначала тихий, на грани реальности. Потом громче. Он знает их самые потаённые страхи и самые желанные воспоминания. Он манит, соблазняет и обещает. А тех, кто к нему прислушивается, он забирает навсегда. Они стали добычей в лабиринте без выхода, где стены — из деревьев, а ловушка — их собственный разум. Чтобы выжить, нужно всего лишь одно — не думать. Но как не думать, когда каждая твоя мысль — это шаг навстречу голодному древнему ужасу, который уже вышел на твой след?

© Грей А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Не те тропы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алекса Грей

То, что шепчет в чащобе

Пролог

Присядьте. Придвиньтесь ближе к огню. Его трепетный свет – единственная надёжная граница между нами и тем, что ждёт за кольцом тьмы. Приглушите свои фонарики. Пусть их слепые глаза угаснут. Они не помогут вам там, где мы окажемся мысленным взором. Их свет может привлечь внимание. А внимание – это последнее, чего мы хотим.

И, пожалуйста, постарайтесь не смотреть слишком часто в непроглядную темень леса за моей спиной. Если же вы всё-таки посмотрите и заметите, что отблески пламени на стволах деревьев гаснут на секунду дольше, чем должны, – отвернитесь. Просто знайте: если вы заметите движение в чаще, глубже, чем должно быть... Это не ваше воображение.

Если ветер внезапно стихнет, а шелест листвы продолжится – перестаньте дышать и сосчитайте до десяти. Если шелест не совпадёт с ритмом вашего сердца – закройте глаза. Иногда оно уходит, если не чувствует, что на него смотрят.

И ещё... Если вы почувствуете лёгкий, сладковато-гнилостный запах, которого не было секунду назад, словно кто-то разломил рядом спелую, червивую падаль... Не подавайте вида. Не оборачивайтесь. Просто слушайте мой голос. Держитесь за него, как за спасительную верёвку.

Эта история – не для слабонервных. Она не из тех, что щекочут нервы перед сном. Она цепляется за душу, как репейник, прорастает в памяти корнями похуже древесных. Её рассказал мне мой дед. Его голос срывался на шёпот, а взгляд метался по углам комнаты, будто выискивал щели, через которые может подслушать сама тьма. Щели, которые, как я потом убедилась, в нашем старом доме действительно были.

Однажды, в середине рассказа, он резко замолк, схватил мою руку и приложил свой палец к моему запястью.

«Тише, – просипел он. – Слышишь?»

Я услышала. Между ударами моего собственного сердца проскальзывал другой, чуждый ритм – медленный, влажный, словно капли, падающие в лужу из чего-то большого. Он шёл не из комнаты. Он шёл из-под пола. Дед посмотрел на меня и медленно, очень медленно, покачал головой. Больше он в тот вечер не сказал ни слова.

Эта история не записана ни в одном семейном альбоме. Любые попытки запечатлеть её на бумаге заканчивались странным образом: чернила расплывались чёрной плесенью, а на плёнке диктофона оставалось лишь монотонное, наводящее тоску шипение.

Мой дядя, большой любитель технологий, попытался записать её на видеокамеру. На плёнке осталось лишь его лицо, искажённое ужасом, и его беззвучный крик. А позади, в идеально чистом, отполированном стекле буфета, отражалось нечто, что не должно было находиться в гостиной.

Нечто большое, покрытое влажной коркой грязи и ила, с длинными, скрюченными ветвями вместо конечностей. И самое ужасное – оно было абсолютно неподвижно. Оно просто стояло и наблюдало. Камера сгорела через час после записи.

Эту историю можно только передать из уст в уста. Шёпотом, с оглядкой, как заклинание или проклятие. И с каждым пересказом тишина после неё становится всё гуще, будто воздух в комнате наполняется невидимой шерстью, а шелест деревьев – многозначительнее.

После того, как я закончу, когда вы пойдёте домой, вы можете заметить, что тени стали чуть гуще, а звуки – чуть приглушённое. Не пугайтесь. Это просто значит, что история прижилась. Она теперь с вами. И она... слушает.

Она зовётся «То, что шепчет в чащобе».

И это не просто шёпот. Это звук, похожий на трение чего-то влажного и огромного о кору тысячелетнего дерева. Это голос, у которого нет губ, но есть множество ртов. Голос, который не слышат ушами – он возникает прямо в сознании, холодный и влажный, как ползучий мох по камню.

Он не говорит слова – он вкладывает в тебя образы: ощущение скользкой чешуи о голую кожу, невыносимую тяжесть на груди, словно на тебя присел кто-то невидимый, вкус ржавчины и тления на языке, внезапное, парализующее воспоминание о том, как тонешь в чёрной, как чернила, воде.

Он шепчет вам правду. Ту самую, которую вы прячете глубоко внутри. О том, о чём вы сожалеете. О том, кого вы предали. О том, чего боитесь больше всего на свете. Он находит это и начинает тихо, ласково, с материнской нежностью напевать эту правду вам прямо в уши, пока вы не почувствуете, как по вашему лицу ползут не ваши слёзы, а что-то холодное и солёное, как болотная вода.

Но я забегаю вперёд. Всему своё время. И у этой истории его предостаточно. Целая вечность. И у нас с вами теперь тоже. Так что устраивайтесь поудобнее. Слушайте.

И помните – если в какой-то момент вам покажется, что мой голос стал чужим, низким и булькающим, словно я говорю с вами, погрузив лицо в воду... Не подавайте вида. Просто притворитесь, что ничего не замечаете. Этим историям нужен слушатель. Любой ценой.

Глава 1. Не те тропы

Окончание университета должно было стать началом всего. Той самой взрослой жизни, которая пахнет свежей типографской краской из только что выданных дипломов, пылью сданных комнат в общежитии и горьковато-сладким привкусом безграничной свободы, которую несколько друзей так отчаянно хотели ощутить в последний раз, все вместе.

Их выбор пал не на традиционную, душную от тел и сигаретного дыма пьянку в каком-нибудь городском подвальчике. Нет. Артём, вечный заводила и романтик, предложил нечто иное. Поход. Трёхдневный марш-бросок по самому глухому, нетронутому северному лесу. В те края, где на картах зияли белые пятна, а на стареньких «Жигулях» местных жителей можно было доехать лишь до покосившейся избушки последнего лесника, мужика с глазами, потухшими, как окурки, и пальцами, тёмными от земли и смолы, который лишь хрипло кашлянул в кулак и махнул рукой куда-то в сторону чащи.

Перед уходом лесник молча протянул Артёму маленький, почерневший от времени оберег – засушенный зуб какого-то животного, обмотанный медной проволокой. Артём, усмехнувшись, сунул его в карман, списав на суеверие. Но сейчас, в этой давящей тишине, он неосознанно теребил его в кармане, и металл был на удивление ледяным.

Их конечной целью было Мёртвое озеро – место, отмеченное на потрёпанной, пожелтевшей от времени и пропитанной запахом табака карте из атласа деда Артёма. Легенды, которые Артём с упоением зачитывал друзьям при свете настольной лампы, гласили, что вода в нём чёрная и неподвижная, как расплавленный обсидиан, а на глубине нет ни рыбы, ни растений, ни даже самого дна. Говорили, что иногда на поверхность всплывают пузыри воздуха, от которых пахнет болотным газом и чем-то ещё, сладковато-трупным.

На полях той карты чьим-то дрожащим, неровным почерком было выведено: «*Ne ire. Ne audire. Ne videre*» («*Не ходи. Не слушай. Не смотри*»). Артём решил, что это просто чья-то мрачная шутка.

Идеальное место, чтобы пощекотать нервы, ощутить мурашки на коже и сделать последнее общее селфи на фоне чего-то по-настоящему эпичного перед тем, как разъехаться по разным городам и окунуться в рабочую рутину.

Однако уже к концу первого дня похода радужные ожидания сменились напряжённой, липкой усталостью. Тропа, которую им с уверенностью указал на прощание седой мужчина у последней деревни, внезапно оборвалась, растворившись в непролазных зарослях папоротника. Растения поднимались выше человеческого роста. Их широкие, клейкие листья цеплялись за кожу и одежду, оставляя слизистые, бледные полосы.

Сок этих папоротников оказался едким. На коже он оставлял не просто полосы, а тонкие, красные, зудящие волдыри, похожие на ожоги от крапивы. Они чесались всё сильнее, и расчёсывание лишь разносило жжение.

Ребята с трудом пробирались через колючий бурелом, о который все четверо порвали штаны и исцарапали руки. Воздух, ещё недавно наполненный хвойной свежестью и солнцем, прогревавшим мох под ногами, стал густым, тяжёлым и влажным. Словно перед грозой, которая никак не могла начаться. Он обволакивал лёгкие словно вуаль, мешая дышать, и имел странный привкус – медный, как кровь на губах, и сладковатый, как подгнившая хвоя.

Этот воздух был вязким, словно желе. Вдох требовал усилия, а выдох оставлял на губах маслянистый, горьковатый налёт.

И наступила тишина. Не благодатная лесная тишина, полная отдалённых шорохов, щебетания невидимых соловьёв и жизни, а абсолютная, гнетущая, мёртвая. Пропали птицы и животные, исчезло назойливое стрекотание кузнечиков. Даже ветер, ещё недавно игравший в кронах вековых елей, замер, будто затаился. Друзья слышали только их собственное учащён-

ное дыхание, скрип рюкзачных лямок и громкий, слишком громкий, отдающийся в висках стук собственных сердец.

Он отдавался в ушах странным эхом, словно кто-то бил в глухой барабан где-то очень близко, повторяя ритм их жизней, но с небольшим, жутковатым опозданием.

– Ребят, а вам не кажется, что мы ходим кругами? – первым нарушил молчание Женя. Его голос, обычно такой уверенный и размеренный, сейчас прозвучал сдавленно и неестественно громко, разорвав звенящую тишь, как нож бумагу. Он снял очки, заляпанные каплями липкой влаги, протёр их краем футболки и дрожащим пальцем указал на надломленный сук сосны, похожий на неестественно вывернутую руку. – Я уже в третий раз вижу это дерево. Смотрите, тот самый сук, обгоревший сбоку. Будто молния ударила когда-то. И этот камень... Я его тоже узнаю. Он лежит точно так же.

Камень, на который указал Женя, был не просто знакомым. На его поверхности проступал тот же странный узор, что и на некоторых деревьях – спираль, расходящаяся на три извилистые линии. Он казался свежим, будто его только что процарапали изнутри.

– Не носи чушь, – буркнул Стас, скидывая на землю свой непомерно тяжёлый рюкзак с таким грохотом, что все вздрогнули, а Лика слегка вскрикнула от неожиданности. Звук был грубым, чужим, оскорбляющим эту гробовую тишину. – Все сосны тут на одно лицо. Просто место глухое, и мы устали. Всем и так не по себе, не надо это усугублять.

– Но компас... – Женя потряс прибором в руке. Стрелка беспокойно дёргалась, замирала, снова бешено вращалась, упорно показывая на один и тот же массивный, поросший лишайником и какими-то странными фиолетовыми пятнами валун, лежащий неподалёку. – Он сходит с ума. Там железная руда, которой в этих гранитных краях быть не может! Физически не может! Магнитная аномалия какая-то...

– К чёрту компас и твои дурацкие аномалии! – вспыхнул Артём. Его роль лидера и заводилы трещала по швам, и это злило его гораздо больше, чем странности леса. Он с силой сжал в пальцах свою карту. Нервы были натянуты до предела, как струны. – Мы идём по азимуту, я чётко следовал карте! Озеро должно быть вот за этой грядой. Видишь тот проход между холмами? Вот туда и идём. И хватит паниковать, чёрт возьми, вы меня уже бесите!

Карта в его руках была слегка влажной на ощупь, будто её только что вынули из воды. Чернила на ней поплыли, и линии тропы теперь изгибались неестественно, складываясь в узор, похожий на тот, что был на камне.

Лика молчала. Она не смотрела ни на бешено вращающийся компас Жени, ни на смятую карту в руках Артёма. Её взгляд был прикован к глухой, непроглядной стене тёмно-зелёного мрака между стволами вековых елей. Ей казалось, что там что-то есть. Или кто-то. Не животное – его бы выдали движение, вспышка глаз, шорох. Не человек – от человека веет хоть каким-то теплом, электрическим полем жизни.

Это было нечто иное. Нечто, что наблюдало за ними. Не со злобой или любопытством, а с холодным, древним, вселенским равнодушием, с каким смотрят на муравьёв, бестолково бегающих по потрескавшейся коре. Что-то очень старое, бесконечно спокойное и оттого пугающее до костей. Она поймала себя на мысли, что уже несколько минут не моргает, боясь, что в долю секунды, пока её веки сомкнутся, это нечто сделает стремительный рывок вперёд из чащи.

Они нашли небольшую поляну, относительно свободную от валежника, и почти в полном молчании, избегая смотреть друг другу в глаза, принялись разбивать лагерь. Костёр разжечь удалось с огромным трудом. Сырые ветки чадили, отказывались давать пламя. Они лишь извивались угольно-чёрными, едкими змеями дыма, который вёл себя неестественно. Он не рассеивался, а стлался по земле густыми, тяжёлыми клубами, обвивая их ноги, словно пытаясь привязать к этому месту. И пах он не деревом, а палёной шерстью и старыми костями.

Пламя, когда оно наконец занялось, было каким-то тусклым, больным, почти бесцветным и отбрасывало не тёплые оранжевые блики, а синеватые, мерцающие, как болотные огоньки.

Казалось, сама природа, сама плоть этого леса саботирует их жалкие попытки обогреться и отгородиться светом от надвигающегося мрака.

А темнота наступила мгновенно. Она не спускалась с неба, а поднималась от земли, из-под корней деревьев. Густая, бархатная, почти осязаемая, поглотившая всё вокруг без остатка. Обычно в лесу ночью есть хоть какой-то свет – прорези звёзд между ветвями, бледный лик луны, едва заметное свечение светлячков. Здесь же не было ничего. Лишь сплошной чёрный потолок, нависший в паре сантиметров ото лба, давящий на психику. Создавалось полное ощущение, что их заживо похоронили под слоем чёрного бархата.

Именно тогда друзья впервые услышали шёпот.

Это не был ветер. Ветер шумит в кронах, гудит, свистит в ушах. Это было что-то другое. Тихий, едва уловимый, будто доносящийся не снаружи, а из самой черепной коробки, навязчивый звук. Нельзя было разобрать слов. Лишь отдельные, обрывчатые слоги, похожие на шелест сухих листьев под чьей-то невидимой ногой или на то, как кто-то проводит длинными, иссохшими пальцами по шершавой коре. Снова и снова, один и тот же ритм. Иногда он походил на тихий, влажный смешок прямо над ухом.

Иногда в этом шёпоте проскальзывали звуки, которые их мозг отчаянно пытался опознать: скрип кожи по камню, лёгкое позвякивание чего-то металлического, едва слышный при-свист на выдохе. Звуки, которые почти складывались в нечто осмысленное, но тут же рассыпались, сводя с ума.

– Вы... вы слышите? – Лика тоже перешла на шёпот, в страхе вжимаясь в плечо Артёма. Её пальцы вцепились в его куртку с такой силой, что могли оставить следы. Её глаза были широко распахнуты, полные не детского страха, а первобытного, животного ужаса.

Все замерли, затаив дыхание. Чадивший костёр хрустнул, выбросив сноп жалких искр, и в этой звенящей тишине звук показался пушечным выстрелом. И сквозь него – тот самый шёпот. Теперь уже отчётливее, ближе. Тихий, монотонный, бессмысленный и оттого ещё более жуткий.

Искры от костра не погасли, упав на землю. Они продолжали тлеть тусклым, зловещим красным светом, выкладывая на земле на мгновение сложный, угловатый узор, прежде чем угаснуть.

– Ничего нет, – слишком быстро и громко, почти выкрикнул Стас, отводя взгляд в сторону непроглядной тьмы. Но по его внезапно побледневшему лицу и по тому, как нервно задёргался у него глаз, было ясно – он лжёт. Он тоже это слышал. Волоски на его руках вдруг встали дыбом и потянулись в сторону леса, словно тонкие железные опилки к магниту. Он с силой опустил руки, стараясь этого не замечать. Но ему было так же чертовски страшно.

– Это просто в ушах звенит от усталости, – проговорил Артём, и его голос прозвучал странно – без прежней уверенности, сдавленно и как будто против его воли. Он сам слышал эту фальшь, эту натянутую смелость, которая трещала по швам. Он пытался унять дрожь в собственных руках, сжимая и разжимая кулаки, но пальцы предательски не слушались, будто побывали на ледяном ветру. – Или кровь шумит. У всех бывает. Концентрация внимания падает, начинают слышаться всякие фантомные звуки...

Его собственный голос, вернувшись из темноты, звучал чужим – приглушённым, обезличенным, будто его прогнали через старый, сломанный фильтр.

Он говорил это, глядя не на друзей, а на костёр, как будто обращался к нему, а не к живым, до смерти напуганным людям. Слова повисли в тяжёлом, неподвижном воздухе, звуча неестественно громко и в то же время беспомощно тихо на фоне того всепроникающего шёпота, что лился из темноты.

– В ушах шумит? – тихо, но с абсолютной ясностью произнёс Женя. Его голос дрожал, но в нём не было паники. Была холодная, отстранённая констатация факта, от которой стало ещё страшнее. – У всех четверых сразу? Один и тот же звук?

Он прислушался. Ритм шёпота теперь совпадал с ритмом его собственного сердца. Он попытался замедлить дыхание – и шёпот тоже замедлился, с лёгкой, издевательской задержкой.

Его вопрос повис в воздухе, острый и неумолимый, как лезвие. Он не требовал ответа. Он просто висел между ними, заставляя каждого мысленно его повторить. Да. Они слышали одно и то же. Этот скрежещущий, ползучий шорох, этот шёпот без источника. Это было нечто внешнее. Что-то, что находилось здесь, с ними, в этой проклятой чашобе.

Артём резко, почти агрессивно повернулся к Жене. Его лицо исказила гримаса раздражения, за которой явно проступал тот же животный страх, что и у всех. Он нервно сжал челюсти, мышцы на скулах заиграли. Он хотел крикнуть, что-то возразить, заткнуть рот Жене, заткнуть себе уши, чтобы скрыться от этого шёпота, закрыть глаза и проснуться в своей кровати в общезжитии.

Но слов не было. Не было аргументов. Была только тягучая, всепоглощающая тишина, нарушаемая тем самым звуком, и четыре пары глаз, в которых отражалось одинаковое, растущее с каждой секундой понимание.

Вместо крика Артём лишь с силой выдохнул, опустил плечи и провёл ладонью по лицу, как будто пытаюсь стереть с себя усталость и этот непрошенный ужас.

– Давайте спать, – сказал он глухо, и на этот раз в его голосе не было ничего, кроме покорности и желания загнать кошмар обратно в небытие, хотя бы на некоторое время. – Утром... – он запнулся, не решаясь больше произносить слова «всё будет хорошо». Он уже ни в чём не был уверен. – Утром мы направимся дальше.

Однако сон не шёл. Они лежали в своих палатках, уставившись в тёмный тент, и слушали, как шёпот затихал, превращаясь в тихое, мерное поскрёбывание по ткани палатки снаружи. Словно кто-то очень осторожный и терпеливый водил длинным ногтем по ней, вычерчивая те же самые жуткие узоры.

Утром лучше не стало. Их встретил не солнечный свет и не пение птиц, а всё та же давящая, гнетущая тишина, тяжёлым грузом лежащая на барабанных перепонках. Лагерь затянул белый, плотный, как молоко, туман. Он окутал лес, сократив видимость до пары метров. Могучие деревья превратились в размытые, бесплотные, зловещие тени, которые, казалось, медленно двигались, меняя свои очертания. Воздух стал ещё тяжелее, им было трудно дышать, словно они вдыхали не кислород, а мелко дисперсную водяную пыль, смешанную с той самой сладковатой гнилью.

Туман был холодным, но не освежающим. Он обжигал лёгкие ледяной сыростью, и оседал на коже липкой, маслянистой плёнкой, которую невозможно было стереть.

Друзья проснулись разбитыми. С тяжёлыми, свинцовыми головами и ощущением песка в глазах, будто не спали вовсе, а провели ночь в изнурительном, бессмысленном беге по лабиринту из кошмаров.

На внешней стороне тента своей палатки Лика обнаружила длинные, тонкие царапины. Они шли от самого низа до верха, и на ощупь они были шершавыми. Будто их оставил не острый нож, а что-то твёрдое и сухое, вроде старой кости или щепки.

А шёпот не исчез. Он стал чуть громче, навязчивее, ещё ближе. Теперь он был похож не на случайный шорох, а на тихую, монотонную, безостановочную речь на неизвестном, гортанном, полным шелчков и шипения языке, доносящуюся со всех сторон сразу. Как будто где-то далеко кто-то включил старое радио, которое монотонно бубнило прямо в уши.

Он тёк из тумана, струился между деревьями, обволакивал сознание, пытаюсь просочиться в щели разума. Иногда в его потоке проскальзывал звук, отдалённо напоминающий скрип открывающейся старой двери или тихий, детский плач, тут же тонувший в общем потоке белого шума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.